

УДК 94

Этнополитическая организация ингушских территориальных обществ в период с позднего Средневековья до конца XVIII в.

Акиева Петимат ХасолтовнаКандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева,
386001, Российская Федерация, Магас, ул. Мальсагова, 11;
e-mail: petim@yandex.ru**Аннотация**

Статья посвящена анализу проблемы этнополитической карты ингушских обществ в период с позднего Средневековья до конца XVIII в. Показано влияние географической среды на расширение ареала расселения или безвозвратной миграции населения. Подтверждена зависимость фактора хозяйственного или имущественного значения территории, а также социальной структуры общества и его дальнейшее укрупнение и/или выделение самостоятельных этнических групп в самостоятельное общество. Указывается на то, что ингушские территориальные общества в период позднего Средневековья представляли этнополитически оформившуюся систему. Направления миграционных потоков этнических групп и их расселение на новых землях, как правило, с последующим оформлением в новое общество, зависели в определенной степени от естественных путей сообщения, хозяйственной значимости территории и ее имущественного статуса.

Для цитирования в научных исследованиях

Акиева П.Х. Этнополитическая организация ингушских территориальных обществ в период с позднего Средневековья до конца XVIII в. // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2017. № 3. С. 9-24.

Ключевые слова

Этнические и политические границы, миграционные потоки, место поселения, владения общества, ингушские общества.

Введение

Отношения природы и человека претерпевали изменения с ходом времени: историческое прошлое иллюстрирует значимость природного фактора. Процессы, происходившие в обществе, накладывались на территорию в виде разных форм систем расселения населения, т. е. проецировались «в географическом пространстве и во времени» [Шарыгин, 2008, 446]. Другими словами, непреложной особенностью взаимодействия людей с окружающей природой является их исторический характер.

Не подлежит сомнению, что горные хребты служили этническими и политическими границами. «До включения Кавказа в состав Российской империи ни одному государству не удавалось распространить свои владения на обе стороны высокогорной зоны, т. е. большей части Главного кавказского хребта» [Лавров, 1989, 5]. Эта горная полоса предопределила направление сухопутных путей сообщения между Северным Кавказом и Закавказьем, важнейшие из которых проходят по узкой полосе западного берега Каспийского моря и по Дарьяльскому ущелью Центрального Кавказа. Географическая среда определяла не только зависимость естественных путей сообщения, но и направления миграционных потоков этнических групп, их оседание и консолидацию. Последнее, показанное в «вертикальной зональности распространения двуязычия и многоязычия», убедительно прослеживается В.И. Лавровым [Лавров, 1953, 4].

Немецкий исследователь М. Энгельгардт, побывавший в сентябре 1811 года в Ингушетии, указывает: «Чудесные долины, частично котлообразные и окруженные высокими горами, открывались к югу от наших ног: их поверхность была украшена прекрасными лугами, их склоны были покрыты буковыми и еловыми лесами» [Энгельгардт, 1967, 204-205]. К началу XIX в., как показывают русские источники, ингушские общества (галгаи, дальние и ближние кистинцы, аккинцы и карабулаки (инг. орстхой)) «насеяли территорию от р. Аксая на востоке до бассейнов рек Камбилеевки и Армхи (включительно), на западе» [Волкова, 1974, 167].

Анализ этнополитической организации ингушских территориальных обществ в период с позднего Средневековья до конца XVIII в.

Топографический очерк ингушских угодий был представлен Н.Ф. Грабовским, который отмечал, что «жилища горцев состоят из каменных построек, сгруппированных у оконечностей гребней или на выступах скал; две-три подобные постройки, вмещающие в себя несколько семейств, составляют горский аул... все эти аулы находятся на расстоянии не более полчаса ходьбы, отделены они друг от друга небольшими ущельями, глубокими оврагами и перевалами через гребень. Ущелья, которые населяют горцы по большей части сжатые между двух главных отрогов, разбрасывающих в свою очередь от себя множество мелких и больших гребней...» [Грабовский, 1996, 106, 120].

Территория того или иного аула являлась как местом поселения и хозяйственно используемым участком земли, так и четко разграниченным владением общества либо рода. Устойчивые родовые связи, прослеживаемые в наиболее ярких своих составляющих: институтах кровной мести, гостеприимства, взаимопомощи, признании общего главы рода и т. д., возникшие на почве исключительно хозяйственного значения каждого члена рода, – сохраняли свою значимость и в XIX в. Так, в 1926 г. члены экспедиции констатировали принадлежность отдельным родам определенных видов земельных угодий, таких как пастбища и выгоны [Мартиросиан, 1928]. Общую собственность родовой и сельской общины составляли выгоны, лес и пастбища, тогда как «сенокосы и пашни находились в подворно-наследственном пользовании семейных групп» [Мартиросиан, 1933, 26]. Границы и условия обладания территорией регулировались военно-политическими средствами родов, а также путем купли-продажи, через аренду, займы и т. д., а в период колонизации – посредством военных пожалований за службу империи. В результате направленность хозяйства и его состояние определялись не только естественным географическим положением, но и юридическим правом на обладание окрестной территории, они зависели от конфигурации политической карты каждого общества, что исторически складывалось далеко не всегда гармонично.

Общества, обладавшие сравнительно обширной территорией, хозяйственно эффективной для освоения и эксплуатации, были многолюдными, обрастали хуторами и мелкими поселениями, в иных случаях со временем превращавшиеся в самостоятельные общества. Таким, например, являлось в XVII в. общество Ангушт, располагавшееся в Тарской долине, бассейне рек Камбилеевки и Герхи. К концу XVIII в. Всего, по данным Штедера, в Тарской долине «насчитывалось до 300 фамилий». И.А. Гюльденштедтом в это время отмечаются только в предгорной зоне в бассейне рек Сунжи, Камбилеевки и Терека семь ингушских районов (согласно Штедеру, «крупных племен Таргимхоевых, род Эги, Хамхоевых, Картоевых, Оздоевых или Цикмабухоевых, Евлоевых и веппинцев» [Штедер, 1967, 41-44]) и пять наиболее крупных сел: центр округа – Ангушт (или Большие Ангушты, ныне сел. Тарское Пригородного района), Акин-Юрт (инг. Ахки-Юрт, ныне с. Сунжа Пригородного района), Шолха (или Малые Ангушты, ныне с. Октябрьское Пригородного района), Заурово (географически располагалось на месте основания Владикавказа) и Джерах [Гюльденштедт, 1809, т. 1, 480]. Он же приводит названия 24 ингушских селений, входивших в округа Ангушт и Шолха, располагавшихся в верховьях Камбилеевки [Географическое и статистическое описание..., 1809, 82, 84].

С.М. Броневский выделяет как одно из главных ингушских обществ, земли которого «простираются от Владикавказской крепости до Дариела» [Броневский, 1823, 159], Зауровское. Он пишет: «Деревни их Заурова и Джерах, почитаемы за сборные места двух разных обществ, которые вместе с приписными к ним деревнями заключают не более 500 дворов... По именам главных их деревень русские называют их Зауровцы и Джерахи,

а вообще кистинцы, не смешивая их с ингушами; но горские народы одинаким с ингушами именем называют их галгаи» [Там же, 159-160]. «Приписные к ним (зауровцам. – П.Х.) деревни» [Там же] или хутора, возникающие по принципу родства, включали около 15-20 семей каждое [Волкова, 1974, 159].

В состав Галгаевского общества, занимавшего в конце 20-х и начале 30-х гг. XIX века «обе стороны р. Ассы и течение р. Тоба-чоч (приток р. Ассы)» [Там же], согласно Ю. Клапроту, входило семь племен: Тергимха, Аги, Хамхой, Кортой, Цикмаибох (Оздой), Евлой и Вапи [Klaprot, 1814, bd. 50, 9], среди которых большей влиятельностью обладали Таргим, Аги (совр. Эгикал), Хамхи. Согласно архивным источникам этого времени? территория Галгаевского общества составляла 321 кв. версту, с 55 селениями, 213 дворами и 1065 жителями¹.

«Галгай, – пишет Ф.И. Горепекин, – следует признать древнейшим этапным пунктом, с которого произошло расселение по нынешней Чечне... Местность Галгай почти всегда была замкнута со стороны р. Терека и с северной лесистой части недружелюбными соседями, почему не имела постоянных свободных мест для переселений из гор на равнину, вследствие чего народ, будучи замкнут в горных ущельях, сохранил доселе в чистоте свой язык и память о своей старине»². При этом этноним «галга», соответствующий позднесредневековому названию ингушского политического объединения Галгай-Коашке (Галгай) [Горепекин, 2006, 20; Дударов, 2011, 156], следует считать обобщением «всех вайнахских племен» для относительно позднего времени [Крупнов, 2008, 48]. В «Предании о происхождении Галгаевского общества», записанном во второй половине XIX в. Ч.Э. Ахриевым, говорится, что «когда жить стало тесно, галгаевцы стали выселяться в долину (Тарскую). Выселившись туда они построили 60 (!) башен, чтобы вести войну... Когда жить стало тесно в (Тарской) долине, галгаевцы переселились дальше (к северу) и основали аул Назрань» [Ахриев, 2000, 156].

Отметим, что становление Назрановского общества имеет несколько этапов, начиная со Средневековья. Собственно, само его название с идентичными топонимами и гидронимами (селение Нясар-Корт (инг. голова/центр (владений) Нясара; река Назранка) отсылает к зафиксированному в ингушских нартских сказаниях герою – нарту Нясару [Кто первым..., 2006, т. 4, 244; Нясарг и Козаш, 2006, т. 4, 234-235; Нарты Цок..., 2006, т. 4, 240]. Ф.И. Горепекин приводит сведения о заселенности данной плоскостной территории «ингушским родом “Несер-мол”» [Горепекин, 2006, 18], объясняя, что вторая составная «мол» использовалась ингушами в значении «старший в роде или избранный храбрый муж, царь» [Там же, 23]. Данная информация находит свое подтверждение в легенде о Бексултане Бораганове, где указывается, что территория в бассейне реки Нясар заселена галгаями: «Когда доехали они до реки Насыр, там встретили они много своих кунаков, т. е. галгаев. По берегам реки Сунжи и Назрана были дремучие леса... Бексултану Бораганову понравилось место это, т. е.

1 ЦГИА Груз. ССР. Ф. 416. Оп. 4. Д. 50. Л. 2.

2 Горепекин Ф.И. Краткие сведения о народе «ингуш» // ГАИМК. Кабинет Н.Я. Марра № 19 (рукопись).

назрановское. И он спросил у ингушей: “Чье это место?” Ингуши ответили: “Место это принадлежит нам”, – и указали границей далекое место» [Тутаев, 1997].

Н.Г. Волкова в качестве одного из направлений миграционного потока выделяет переселение к «реке Сунже в район Назрани и далее к Ачалукам», проходившее «в 1771-1781 гг., а также в начале XIX в.» [Волкова, 1974, 192]. Причем именно последний этап переселения на уже освоенные земли в районе Назрани произошел в связи с договором 1810 г., статьи которого давали право переселения на равнину при условии перехода «ингушского народа в российское подданство» [Там же, 155-156]. «Та часть, которых мы, собственно, называем ингушами и назрановцами, есть переселенцы из Галгаевского аула Таргим из рода Ко-кале. Они около 1810 г. в количестве семи фамилий: Мальсагова, Бекова, Арчахова, Костай, Плиатова, Сульдигиатова и Гириатова поселились в Тарской долине (согласно Н.Г. Волковой – около 70-80 гг. XVIII в. [Там же, 156]), которая раньше их прихода называлась Ангуж или Ингуж, а также расположились в окрестности теперешнего Владикавказа и Назрани. В 1817 г., когда Ермолов заложил редут Назрань, к нему для обеспечения Владикавказа от нападения чеченцев выселили в то время дружественных к русским окрестных туземцев ингушей. Затем в 1830 г. снова были переселения к Назрани, и такие вольные и невольные переселения продолжались почти до наших дней. Т. обр. жители Тарской долины и бывшие поселения ингушей гелтхой по Военно-Грузинской дороге были переведены к Назрани, а на их местах основались казачьи посты и станицы» [Горепекин, 2006, 18-19].

Отметим, что социально-экономическая значимость данных племен подтверждается архитектурными сооружениями, имеющими аутентичные корни. Исследователями выделяется в качестве основы данных замковых комплексов, иллюстрирующей, как уровень развития строительного искусства, так и развитые формы социальной жизни, оборонительная башня, служившая «интересам феодализирующейся верхушки, которая формировалась в процессе расслоения свободных общинников» [Робакидзе, 1968, 81]. Так, «треугольник, образуемый селениями Эгикал, Хамхи, Таргим, действительно было местом, где оборонительная башня со ступенчато-пирамидальным перекрытием получила наивысшее развитие» [Там же]. «Этнографический материал, касающийся данных комплексов, указывает на наличие определенной дифференциации, хотя юридически и не фиксированной, но имеющей характер сословного деления» [Там же, 84].

В горной зоне к одному из древнейших этнотерриториальных племенных объединений кистин, обитавших в ущелье реки Арамхи и известных в письменных источниках уже в VII в. н. э., которых П.С. Паллас относил к «реальным остаткам алан» [Алемань, 2003, 147; Паллас, 1996, 248], относится этническое общество Фяппи (собственно «ближние кисты»). Отметим, что в русских документах XVI в. упоминаются этнолокальные группы Калканцев, Ероханских людей, Ококов, Кистов, которые, по словам Е.Н. Кушевой, «покрывают... родоплеменные группы горной Ингушетии» [Кушева, 1963, 66] и сопоставляются

исследователями с Галгаями, Джераховцами, Акинцами и Кистами соответственно [Ахмадов, 1988; Волкова, 1976; Исаева, 1981].

Этимология этнонима «фяппи» отражает сам процесс миграции кистин, происшедший в далеком прошлом. Так, Ф.И. Горепекин пишет, что «“Фяппи” называется рой пчел, вышедший после первого, а также люди-переселенцы, идущие нестройною толпою»³. Искажённым грузинским от «Фяппи», обитавших в районе рек Арамхи и Кистинка (инг. Охкарохи. – П.Х.), является Воби (Ваби), которое аналогично самоназванию бацбийцев⁴.

Другим кистинским племенем является Мецхальское общество, территория которого вместе с Джейрахским обществом граничила на востоке с Хамхинским (Галгаевским) обществом на юге с Грузией и выходила на севере к Тарской долине. «Мецхальское общество, будучи расположенное между двух высоких скалистых гор с севера горы Столовой и с юга главного Кавказского хребта с их отрогами... занимая еще более высокое положение, нежели Джейраховское общество, в нем все сельскохозяйственные угодья находятся в таких же неблагоприятных условиях для произрастания на них всяких культурных растений»⁵. По сведениям Б.К. Далгата, древнейшим в Мецхальском обществе считаются селения Фалхан и Эрзи [Далгат, 2008, 68]. Г.К. Мартиросиан приводит предание об основании одноименного селения неким Мецхалом «еще до царствования грузинской царицы Тамары» [Мартиросиан, 1933, 22]. К 1908 г. Мецхальское общество включало в себя 21 селение и около трех тысяч душ населения обоого пола⁶.

Кистинец из Мецхальского общества Эльда Дударов (или Ерд Дударов), известнейший мастер строительных дел начала XV в., был предком Баркима Дударова, создателя новой ветви феодалов Тагаурии [Акиева, 2015]. Ерд Дударов народной молвой был наречен эпитетом Ерд, т. е. святой. Настоящее же имя этого зодчего мы находим в свидетельстве 1848 г.: «У кистинского племени около четырехсот лет тому назад Эльда Дударов, предок ныне существующей значительной фамилии в тагаурском поколении, основал церковь, называемую по-кистински Задцох Ерды, т. е. во имя св. Ерды» [Газета «Кавказ», 1848].

Тагаурия была самой оживленной в социально-экономическом плане территорией на Центральном Кавказе, именно здесь земельные отношения приобрели законченную форму феодальных. Тагаурское феодальное сословие, самыми крупными представителями из которого выступала фамилия Дударовых [Гутнов, 2012, 52], составляло 5,5% от всего десяти тысячного населения [Гутнов, www]. На рубеже XVIII-XIX вв. Дударовы «жили в ущельях р. Терек и владели его левым берегом от Ларса до выхода на плоскость» [История Северо-Осетинской АССР, 1959б т. I, 102]. Пошлины с проезжающих по Военно-грузинской дороге тагаурские алдары взимали совместно с джейраховцами, при этом «достойно замечания, что у осетин деньги получал только привилегированный класс – алдары, а у джераховцев как правители, так и остальные классы получали поровну» [Далгат, 1972, 311, 315].

3 Там же.

4 АИЭ. Ф. 8. Д. 31. Л. 139. Материалы экспедиции 1972 г.

5 ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 9. Д. 237. Л. 1-26.

6 Там же.

Отметим, что «все работы, связанные с эксплуатацией дороги, выполнялись зависимыми сословиями» [Гутнов, 2012, 64]. Сообщение К. Коха объясняет существовавшее в Тагаурии сословное деление: «Вся долина от Ларса до Владикавказа была заселена раньше ингушами и валагирскими осетинами, явившимися сюда из своих долин вследствие различных неприятностей; первое время они платили ингушам дань» [Кох, 1967, 222-274].

Л.П. Семеновым, Г.А. Кокиевым были зафиксированы предания об ингушах населявших Санибанское и Куртатинское ущелья, «о пребывании ингушей в Тагаурии и последующем вытеснении их отсюда» [Тменов, 1989, 124]. Об этом же свидетельствуют данные экспедиции 1882 г. При исследовании склепов в селении Гизель на территории современной Осетии Г. Хатисян отмечал: «Присутствовавшие при осмотре мною этой гробницы осетины... сообщили мне..., что по народному преданию, их страна, т. е. Тагаурская Осетия, когда-то, в очень отдаленные времена, находилась во владении кистин... Причину подобного разнообразия состояния трупов местные жители объяснили тем, что в прежние времена и даже недолго пред этим, этими древними гробницами пользовались для хоронения там своих покойников, выбрасывая оттуда старые (ингушские. – Авт.) и очищая, таким образом, место для новых трупов»⁷. Лишь только «к XVIII веку территория, населенная осетинами, приобрела очертания современной горной Осетии...» [Блиев, Бзаров, 2000, 125].

Отметим, что и представители общества Гелатхой, один из крупных населенных пунктов которого в Дарьяльском ущелье Черешев кабак (фамильное поселение Черешевых) [Виноградов, Магомадова, 1971] упоминается, наряду с ингушским владельцем Ларса Салтаном-Мурзой, в русских источниках XVI в. [Волкова, 1974, 156-157], в мае 1888 г. были выселены и вошли в состав Тифлисской губернии.

Результатом безвозвратных миграций стали так называемые «дальние кисть», которые, согласно сведениям И. Бларамберга, в 1834 г. населяли «высокогорья Кавказа между аккинцами, хевсурами, лезгинами и аварцами по обоим берегам реки Аргун и на склонах вершин Кори-лама, Башлама, Шатой-лама, Качунта и Гахко» [Бларамберг, 2005, 329]. Генеалогические же предания сообщают о перемещении соплеменников, живших «раньше в местности, что теперь Мецхальское общество... в Грузию, где они стали именоваться “цова или бацби”, а ингуши называют их “феппи бацой”, т. е. переселенцы бацой». На место последних «пришли другие из соседней местности Акко, спускаясь с перевала “Ко-джар-догочи”... и стали именоваться у галгаев тоже феппи или переселенцы» [Горепекин, 2006, 16]. Вероятно «феппи» использовавшееся первоначально для фиксации социального состояния оторванности от рода/общества, впоследствии стало этнонимом, аналогично тому, как «древнейшее местообитание горная местность Акко» [Там же] превратилось в название аккинского племени (инг.: аькхий – изгнанники). Ф.И. Горепекин видит подтверждение данным фольклорным сведениям в существовавшем социальном ранжировании членов того или иного общества. «Действительность такового предания оправдывается

7 Отчетная записка экспедиции 1882 года по исследованию кавказских пещер Гавр. Хатисяна. 4. 11. О раскопках древних могил. Архив ИИМК (Санкт-Петербург). Ф. 3. Д. 589. Л. 18.

тем, – пишет он, – что многие из родов Мецхальского общества не имеют той длинной родовой генеалогии, какую мы находим среди Галгая, равно и среди другой жизненной обстановки, напр. при выдаче кровной платы в происхождении их родовых предков и в делах религии они не стоят на той высоте, как горделиво ставят себя галгаевцы» [Там же]. Об этом пишет и А.Н. Генко: «Если национальное самосознание коренного ингуша Хамхинского общества, называющегося себя *ghalgha* – “галгаец”, примирится, исходя из факта значительного смешения в наиболее населенной части страны, на плоскости, с причислением к себе жителей Мецхальского общества, так называемых *färrij* (“веппинцы” по старой русской терминологии), то считать себя в ближайшем родстве с *melxij* не согласится, вероятно, никто...» [Генко, 1996, 462].

Предания сообщают, что родоначальник карабулаков Арштхоо также является выходцем из общества Акко. «Некий Акинец, по имени Арштхоо, выселившись из своего общества и спустясь со своим родом в Бумутское ущелье, основался у источников, называемых Черными ключами... образующих речку, впадающую в Мартанчу и названную по имени Арштхоо Арштинскою. От населения, основанного здесь Арштхоо, образовалось особое общество, называвшееся себя и доселе Арштхой. Кумыки же называли его по источникам, у которых оно жило, Карабулах» [Головинский, 1878, 244]. К 1772 г. относится переселение части карабулаков на равнину в урочище Карасу-Яндырь по р. Осай в месте ее впадения в р. Сунжу [Бутков, 1869б ч. I, 303]. Что касается Орстхоевского/Арштхоевского общества или Карабулаков, то Клапрот выделяет их в особое племя «народа миджегов» [Клапрот, 1814, bd. 50, 450]. Стоит согласиться с выводом Ф.И. Горепекина о связи имени родоначальника карабулаков Арштхоо с социальным статусом «жителей равнины»: «Арштхой – значит жители равнины, в отличие от жителей гор – ломрой. Ар – плоскость, равнина; ш или ж – окончание множ. числа и стаг по чеченскому собств. мужчина, но и в значении – люди» [Горепекин, 2006, 16-17].

Распространенность ингушских топонимов на удалении от подножия Северного Кавказа «может служить указанием на то, что в отдаленное время ингуши и сродные им мелкие племена, удаляясь от подножья Северного Кавказа, кочевали здесь со своими стадами. В частности же, собственно Галга (что теперь Цоринское и Хамхинское общество) с отдаленных времен граничился от фепи (что теперь Мецхальское общество) от сел. Шан на Салги до места на хребте “Ко-джар-догочи”, составляющего небольшой перевал; от сел. Бишт до сел. Дошакал и Кост. От фепи в свою очередь отделялась часть жителей, расселившихся по левую сторону р. Арма-хи (по-осетински Маккалдон) под назв. Джерахой» [Там же].

Горное Джейраховское общество, по сведениям Вахушти Багратиони, в XVIII в. располагалось «там, где сливаются обе реки (имеется в виду Терек и Арамхи. – П.Х.)». Действительно, джейраховцы живут и ныне у подножья Мят-лоам – Столовой горы, вверх по Джейраховскому ущелью, вплоть до слияния рек Арамхи и Гули. Иначе говоря, границы территории джейраховцев заканчиваются выше селения Ляжг. Вахушти писал, что «на этой реке в ущелье, выше Джариехи, находится Кистети...» [Харадзе, Робакидзе, 1968, 22]. «Если исходить из данных Вахушти, – пишет Х.А. Акиев, – получается, что территория

Дзурдзукети простиралась на запад от галгаев, занимавших верховья реки Ассы и на юг за Водораздельный хребет... из сказанного следует, что у Вахушти название Дзурдзукетия покрывала современную территорию Пшавии и Казбековского района Грузии»⁸. Исследователь приходит к выводу, что этноним Джарахи связан с древними верованиями населения, почитавшего крест (инг. джар), который олицетворял женское божество Жарах⁹.

Заключение

Таким образом, ингушские территориальные общества в период позднего Средневековья представляли этнополитически оформившуюся систему. Направления миграционных потоков этнических групп и их расселение на новых землях, как правило, с последующим оформлением в новое общество, зависели в определенной степени от естественных путей сообщения, хозяйственной значимости территории и ее имущественного статуса.

Библиография

1. Акиева П.Х. О политической роли владетеля Ларса Салтана-мурзы в налаживании отношений с Московским государством в XVI веке // Материалы Всероссийской научной конференции «245 лет вхождения Ингушетии в состав России: время, события, люди». Назрань, 2015. С. 77-100.
2. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 614 с.
3. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. Грозный, 1988.
4. Ахриев Ч.Э. Избранное. Предание о происхождении Галгаевского общества. Назрань, 2000.
5. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2005.
6. Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ: Ир, 2000.
7. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.
8. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1869. Ч. I. 621 с.
9. Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Один из северокавказских союзников Руси // Вопросы истории. 1971. № 10. С. 215-219.
10. Волкова Н.Г. Статейные списки русских посольств XVI-XVII вв. как этнографический источник // Кавказский этнографический сборник. 1976. Т. VI. С. 272-273.

8 Акиев Х.А. Первопредки ингушей и чеченцев саны (вар. цаны, чаны, шаны). Рукопись. Государственный архив Республики Ингушетия. Коллекция документов и материалов Х.А. Акиева.

9 Там же.

11. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. 280 с.
12. Газета «Кавказ». 1848. № 3.
13. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Танкиев А.Х. (сост.) Ингуши. Саратов, 1996.
14. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия академика И.А. Гюльденштедта через Россию и по кавказским горам в 1770-1773. СПб., 1809.
15. Головинский Н.И. Чеченцы. Из записок // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. I.
16. Горепекин Ф.И. Краткие сведения о народе «ингуши» // Труды Ф.И. Горепекина. СПб., 2006.
17. Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей горского участка ингушского округа // Танкиев А.Х. (сост.) Ингуши. Саратов, 1996.
18. Гутнов Ф.Х. Обычное право осетин. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.
19. Гутнов Ф.Х. Привилегированные сословия средневековой Осетии. URL: <https://sites.google.com/site/kocievland/kochievgrad/biblioteka/gutnov-f-h-privilegirovannye-soslovia-srednevekovoj-osetii>
20. Гюльденштедт И.А. Путешествие по России и Кавказским горам. 1781-1791. СПб., 1809. Т. 1.
21. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследования и материалы 1892-1894 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 383 с.
22. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследования и тексты. М.: Наука, 1972. 467 с.
23. Дударов А.-М.М. К вопросу о расселении ингушей в позднем средневековье: ГалгIай Коашке // Дударов А.-М.М., Кодзоев Н.Д. К древней и средневековой истории ингушей. Нальчик: Тетраграф, 2011.
24. Исаева Т.А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI – первой половине XVII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981.
25. История Северо-Осетинской АССР. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. Т. I.
26. Кох К. Путешествие через Россию к кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.
27. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. Магас: Сердало, 2008. 256 с.
28. Кто первым поселился в Нясар-корте // Антология ингушского фольклора. Нальчик, 2006. Т. 4.
29. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. М., 1963.
30. Лавров Л.И. Некоторые итоги дагестанской экспедиции 1950-1952 гг. // Краткие сообщения Института этнографии. 1953. Вып. XIX.
31. Лавров Л.И. Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Вып. IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. М.: Наука, 1989. С. 5-8.

32. Мартиросиан Г.К. История Ингушии. Орджоникидзе: Сердало, 1933. 314 с.
33. Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушия. Социально-экономический очерк // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. 1928. Вып. 1. С. 79-80.
34. Нарты Цок и его сын Нясар, Мехка-нана и Хи-нана // Антология ингушского фольклора. Нальчик, 2006. Т. 4.
35. Нясарг и Козаш // Антология ингушского фольклора. Нальчик, 2006. Т. 4.
36. Паллас П.С. Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793 и 1794 гг. // Атталиков В.М. Наша старина. Приложение. Нальчик, 1996.
37. Робакидзе И.А. Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Вып. II. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси, 1968.
38. Тменов В.Х. Несколько страниц из этнической истории осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе: СОНИИ, 1989.
39. Тутаев А. Князь // Сердало. 1997. 31 декабря.
40. Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968.
41. Шарыгин М.Д. Пространственно-временная парадигма в современной географии // Пространственная организация Пермского края и сопредельных территорий. Кн. 1: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 10-13 ноября 2008 г. Пермь: Пермский государственный университет, 2008.
42. Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году. Орджоникидзе, 1967.
43. Энгельгардт М. Путешествие в Крым и на Кавказ // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1967.
44. Klaprot U. Beschreibung des östlichen Kaukasus zwischen den Flüssen Terek, Aragwi Kur und dem Kaspischen Meere // Bibliothek der neuesten und wichtigsten Reisebeschreibungen. Weimar, 1814. Bd. 50.

The ethnopolitical organisation of Ingush territorial societies during the period from the late Middle Ages to the end of the 18th century

Petimat Kh. Akieva

PhD in History,

Leading Researcher at the Akhriev Ingush Research Institute for the Humanities,

386001, 11 Malsagova st., Magas, Russian Federation;

e-mail: petim@yandex.ru

Abstract

The article aims to analyse the problem of the ethnopolitical map of Ingush societies during the period from the late Middle Ages to the end of the 18th century. In order to explore this problem, the article uses different documents (manuscripts, books, papers, etc.) that contain information about the societies and period of time mentioned above. The author of the article describes the influence of the geographical environment on the expansion of the range of settlement or irretrievable migration of the population. The article confirms the dependence of the factor of the economic or property significance of the territory, as well as the social structure of society and its further enlargement and/or the separation of independent ethnic groups into an independent society. The author points out that the Ingush territorial societies in the late Middle Ages should be viewed as the ethno-political system that has already taken shape. The article also reveals that the directions of the migration flows of ethnic groups and their inhabitation of new lands, as a rule, with the subsequent formation of a new society depended to a certain extent on the natural means of communication, the economic importance of the area and its property status.

For citation

Akieva P.Kh. (2017) Etnopoliticheskaya organizatsiya ingushskikh territorial'nykh obshchestv v period s pozdnego Srednevekov'ya do kontsa XVIII v. [The ethnopolitical organisation of Ingush territorial societies during the period from the late Middle Ages to the end of the 18th century]. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 3, pp. 9-24.

Keywords

Ethnic and political boundaries, migration flows, place of settlement, property of community, Ingush societies.

References

1. Akieva P.Kh. (2015) O politicheskoi roli vladetelya Larsa Saltana-murzy v nalazhivanii ot-noshenii s Moskovskim gosudarstvom v XVI veke [On the political role of the Keeper Lars Saltan-murza in establishing relations with Moscow state in the 16th century]. *Materialy Vse-rossiiskoi nauchnoi konferentsii "245 let vkhozheniya Ingushetii v sostav Rossii: vremya, sobytiya, lyudi"* [Proc. Conf. "245 years of the inclusion of Ingushetia in Russia: time, events, people"]. Nazran, pp. 77-100.
2. Alemany A. (2000) *Sources on the Alans: a critical compilation*. Brill Academic Publishers. (Russ. ed.: Alemany A. (2003) *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh*. Moscow: Menedzher Publ.)

3. Akhmadov Ya.Z. (1988) *Ocherki politicheskoi istorii narodov Severnogo Kavkaza v XVI-XVII vv.* [An outline of the political history of the peoples in the North Caucasus in the 16th and 17th centuries.]. Grozny.
4. Akhriev Ch.E. (2000) *Izbrannoe. Predanie o proiskhozhdenii Galgaevskogo obshchestva* [Selected works. The legend about the origin of the Galgaev society]. Nazran.
5. Blaramberg J. (2005) *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza* [Historical, topographical, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. Moscow.
6. Bliev M.M., Bzarov R.S. (2000) *Istoriya Osetii s drevneishikh vremen do kontsa XIX v.* [A history of Ossetia from ancient times to the late 19th century.]. Vladikavkaz: Ir Publ.
7. Bronevskii S.M. (1823) *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze* [The latest geographical and historical news about the Caucasus]. Moscow.
8. Butkov P.G. (1869) *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g.* [Materials on the new history of the Caucasus from 1722 to 1803], Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
9. Dalgat B.K. (2008) *Rodovoi byt i obychnoe pravo chechentsev i ingushei. Issledovaniya i materialy 1892-1894 gg.* [The tribal life and common law of the Chechens and Ingush. Studies and materials from 1892 to 1894]. Moscow: Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.
10. Dalgat U.B. (1972) *Geroicheskii epos chechentsev i ingushei. Issledovaniya i teksty* [The heroic epos of the Chechens and Ingush. Studies and texts]. Moscow: Nauka Publ.
11. Dudarov A.-M.M. (2011) K voprosu o rasselenii ingushei v pozdnem srednevekov'e: GlalgIai Koashke [On the resettlement of the Ingush in the late Middle Ages: GlalgIai Koashke]. In: Dudarov A.-M.M., Kodzoev N.D. *K drevnei i srednevekovoi istorii ingushei* [On the ancient and medieval history of the Ingush]. Nalchik: Tetragraf Publ.
12. Engel'gardt M. (1967) Puteshestvie v Krym i na Kavkaz [A trip to the Crimea and the Caucasus]. In: *Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov (XIII-XIX vv.)* [The Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers (from the 13th to the 19th centuries)]. Ordzhonikidze.
13. *Gazeta "Kavkaz"* [The newspaper "The Caucasus"] (1848), 3.
14. Genko A.N. (1996) Iz kul'turnogo proshlogo ingushei [From the cultural past of the Ingush]. In: Tankiev A.Kh. (comp.) *Ingushi* [The Ingush]. Saratov.
15. *Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaza iz puteshestviya akademika I.A. Gyul'denshtedta cherez Rossiyu i po kavkazskim goram v 1770-1773* [Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus from the trip of the academician J. Güldenstädt through Russia and the Caucasus Mountains in 1770-1773] (1809). St. Petersburg.
16. Golovinskii N.I. (1878) Chechentsy. Iz zapisok [The Chechens. From the notes]. In: *Sbornik svedenii o Terskoi oblasti* [Collected information about the Terek region], Vol. 1. Vladikavkaz.

17. Gorepekin F.I. (2006) Kratkie svedeniya o narode "ingushi" [Brief information about the Ingush]. In: *Trudy F.I. Gorepekina* [Works by F.I. Gorepekina]. St. Petersburg.
18. Grabovskii N.F. (1996) Ekonomicheskii i domashnii byt zhitelei gorskogo uchastka ingushskogo okruga [The economic and home life of the inhabitants of the mountain area of the Ingush district]. In: Tankiev A.Kh. (comp.) *Ingushi* [The Ingush]. Saratov.
19. Güldenstädt J. (1809) *Puteshestvie po Rossii i Kavkazskim goram. 1781-1791* [A trip through Russia and the Caucasus Mountains. 1781-1791], Vol. 1. St. Petersburg.
20. Gutnov F.Kh. (2012) *Obychnoe pravo osetin* [The common law of the Ossetians]. Vladikavkaz: Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies.
21. Gutnov F.Kh. *Privilegirovannye sosloviya srednevekovoi Osetii* [The privileged classes of medieval Ossetia]. Available at: <https://sites.google.com/site/kocievland/kochievgrad/biblioteka/gutnov-f-h-privilegirovannye-soslovia-srednevekovoj-osetii> [Accessed 26/01/16].
22. Isaeva T.A. (1981) Politicheskie vzaimootnosheniya Checheno-Ingushetii s Rossiei v kontse XVI – pervoi polovine XVII v. [Political relations between the Chechen-Ingushetia and Russia at the end of 16th and the first half of the 17th centuries]. In: *Vzaimootnosheniya narodov Checheno-Ingushetii s Rossiei i narodami Kavkaza v XVI – nachale XX v.* [Relations between the peoples of Chechen-Ingushetia with Russia and the peoples of the Caucasus from the 16th to the early 20th century.]. Grozny.
23. *Istoriya Severo-Osetinskoi ASSR* [A history of the North Ossetian ASSR] (1959), Vol. 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.
24. Kharadze R.L., Robakidze A.I. (1968) K voprosu o nakhskei etnonimike [On Nakh ethnonimics]. In: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. Tbilisi.
25. Klaprot U. (1814) Beschreibung des östlichen Kaukasus zwischen den Flüssen Terek, Aragwi Kur und dem Kaspischen Meere. In: *Bibliothek der neuesten und wichtigsten Reisebeschreibungen*, Bd. 50. Weimar.
26. Koch K. (1842) *Reise durch Russland nach dem Kaukasus. Isthmus n den Jahren 1836, 1837 und 1838.* (Russ. ed.: Koch K. (1967) Puteshestvie cherez Rossiyu k kavkazskomu peresheiku v 1837 i 1838 gg. In: *Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov* [The Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers]. Ordzhonikidze.)
27. Krupnov E.I. (2008) *Srednevekovaya Ingushetiya* [Medieval Ingushetia]. Magas: Serdalo Publ.
28. Kto pervym poselilsya v Nyasar-korte [Who was the first to settle in Nyasar-korte] (2006). In: *Antologiya ingushskogo fol'klora* [An anthology of Ingush folklore], Vol. 4. Nalchik.
29. Kusheva E.N. (1963) *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei v XVI-XVII vv.* [The peoples of the North Caucasus and their relations with Russia in the 16th and 17th centuries.]. Moscow.
30. Lavrov L.I. (1953) Nekotorye itogi dagestanskoi ekspeditsii 1950-1952 gg. [Some of the results of the Dagestan expedition of 1950-1952]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii* [Brief reports of the Institute of Ethnography], 19.

31. Lavrov L.I. (1989) Rol' estestvenno-geograficheskikh faktorov v istorii narodov Kavkaza [The role of natural geographical factors in the history of the peoples of the Caucasus]. In: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik. Vyp. IX. Voprosy istoricheskoi etnografii Kavkaza* [Caucasian ethnographic collection, Vol. 9: Issues of the historical ethnography of the Caucasus]. Moscow: Nauka Publ., pp. 5-8.
32. Martirosian G.K. (1933) *Istoriya Ingushii* [A history of Ingushia]. Ordzhonikidze: Serdalo Publ.
33. Martirosian G.K. (1928) Nagornaya Ingushiya. Sotsial'no-ekonomicheskii ocherk [Highland Ingushia. A socio-economic profile]. *Izvestiya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya* [Proceedings of the Ingush Research Institute of Local History], 1, pp. 79-80.
34. Narty Tsok i ego syn Nyasar, Mekhka-nana i Khi-nana [Nart y Tsok and his son Nyasar, Mekhka-nana and Khi-nana] (2006). In: *Antologiya ingushskogo fol'klora* [An anthology of Ingush folklore], Vol. 4. Nalchik.
35. Nyasarg i Kozash [Nyasarg and Kozash] (2006). In: *Antologiya ingushskogo fol'klora* [An anthology of Ingush folklore], Vol. 4. Nalchik.
36. Pallas P.S. (1799-1801) *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Rußischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*. Leipzig. (Russ. ed.: Pallas P.S. (1996) Puteshestvie po yuzhnym provintsiyam Rossiiskoi imperii v 1793 i 1794 gg. In: Attalikov V.M. *Nasha starina. Prilozhenie* [Our old times. Enclosure]. Nalchik.)
37. Robakidze I.A. (1968) Zhilishcha i poseleniya gornykh ingushei [Accommodation and settlements in highland Ingushetia]. In: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik. Vyp. II. Ocherki etnografii gornoj Ingushetii* [Caucasian ethnographic collection, Vol. 2: An outline of the ethnography of highland Ingushetia]. Tbilisi.
38. Sharygin M.D. (2008) Prostranstvenno-vremennaya paradigma v sovremennoi geografii [The spatio-temporal paradigm in modern geography]. *Prostranstvennaya organizatsiya Permskogo kraya i sopredel'nykh territorii. Kn. 1: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 10-13 noyabrya 2008 g.* [The spatial organisation of the Perm territory and adjacent territories, Book 1: Proc. Conf. held on November 10-13, 2008]. Perm: Perm State University.
39. Steder L. (1796) *Tagebuch einer Reise, die im Jahr 1781 von der Grenzfestung Mozdok nach dem innern Caucasus unternommen wurde*. (Russ. ed.: Steder L. (1967) *Dnevnik puteshestviya iz pogrannichnoi kreposti Mozdok vo vnutrennie mestnosti Kavkaza, predprinyatogo v 1781 godu*. Ordzhonikidze.)
40. Tmenov V.Kh. (1989) Neskol'ko stranits iz etnicheskoi istorii osetin [A few pages from the ethnic history of the Ossetians]. In: *Problemy etnografii osetin* [Problems of the ethnography of the Ossetians]. Ordzhonikidze: North Ossetian Research Institute.
41. Tutaev A. (1997) Knyaz' [Prince]. *Serdalo* [Light], 31st Dec.

42. Vinogradov V.B., Magomadova T.S. (1971) *Odin iz severokavkazskikh soyuznikov Rusi* [One of the North Caucasian allies of Rus]. *Voprosy istorii* [Issues of history], 10, pp. 215-219.
43. Volkova N.G. (1974) *Etnicheskii sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX veka* [The ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th to the early 20th century]. Moscow: Nauka Publ.
44. Volkova N.G. (1976) *Stateinye spiski russkikh posol'stv XVI-XVII vv. kak etnograficheskii istochnik* [Lists of Russian embassies in 16th and 17th centuries as an ethnographic source]. *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian ethnographic collection], 6, pp. 272-273.